

КРАСНАЯ ВЕНА И КРАСНАЯ МОСКВА

М.Ю. Борисенко

Аннотация. Статья посвящена сопоставлению муниципальной политики венских социал-демократов и большевиков в межвоенный период. Основное внимание уделено кадровой политике, жилищной политике, архитектурным и урбанистическим концепциям венских социал-демократов и их сравнению с аналогичными мерами советской власти. В статье дана краткая характеристика обстоятельств перехода австрийской социал-демократии к концепции Красной Вены, а также взаимоотношений Социал-демократической рабочей партии Немецкой Австрии и большевиков. На основе наследия Отто Бауэра выявлено место проблем муниципальной политики в теории австромарксизма. Освещены важнейшие компоненты жилищной политики венских социал-демократов: закон о защите съемщиков жилья, закон об истребовании жилья, строительная программа. Рассмотрены экстерьер и интерьер построенных в рамках этой программы квартир. Также уделено внимание поселенческому движению – альтернативе строительной программы городских властей и вариации на тему города-сада. В статье также рассмотрен эпизод из биографии Юлиуса Тандлера, одного из главных реформаторов Красной Вены, посетившего в 1936 году Советский Союз и подписавшего контракт с Народным комиссариатом здравоохранения СССР. Приводится отзыв Тандлера о советском строе, в котором сравниваются исторические судьбы Красной Вены и СССР.

Ключевые слова: Красная Вена, межвоенная Австрия, СССР, муниципальная политика, Отто Бауэр, Юлиус Тандлер, строительная политика.

Борисенко Михаил Юрьевич, аспирант кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, 119192, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, mikhail.borisenok@gmail.com.

RED VIENNA AND RED MOSCOW

M.Yu. Borisenok

Abstract. The article covers a comparison between municipal policy implemented by Viennese social-democrats and Bolsheviks in the interwar period. The main focus is put on the personnel policy, building policy, architectural and urban concepts. The article gives a brief description of the circumstances in the transition of the Austrian Social-Democracy toward the concept of Red Vienna, as well as the relationship between the SDAPDÖ and the Bolsheviks. Based on Otto Bauer heritage, the role of municipal policy problems in the theory of Austro-Marxism is revealed. The most important components of the Viennese Social Democrats' housing policy are covered: the law on the tenants protection, the law on the demand for housing, construction program. Exterior and interior of apartments constructed within the framework of this program are considered. Also attention to the settlement movement is paid – an alternative to the construction program of the city authorities and variations on the city garden theme. The article also considers the episode of the Julius Tandler biography, one of the main reformers of Red Vienna, who visited the Soviet Union in 1936 and signed the contract with the People's Commissariat of Health of the USSR. There a Tandler's comment is also provided on the Soviet system, where the historical destiny of Red Vienna and the USSR are compared.

Keywords: Red Vienna, Interwar Austria, USSR, Municipal Policy, Otto Bauer, Julius Tandler, Building Policy.

Одной из наиболее ярких глав истории австрийской столицы является эпоха Красной Вены. В период между 1918 и 1934 гг. – от провозглашения республики до гражданской войны и установления австрофашистского режима – в городском совете Вены доминировали социал-демократы, ставившие своей целью привнести в столичную жизнь и быт горожан элементы социализма и таким образом хотя бы локально приблизить «светлое будущее всего человечества». Красная Вена стала самой масштабной площадкой городских реформ левого толка – после Москвы и Ленинграда. Это хорошо понимали и сами австрийские социал-демократы. Лишенные возможности игнорировать успехи марксистов Советской России, они подчеркивали свой особый путь к социализму и идеологические расхождения с партией Ленина.

Муниципальная политика Красной Вены получила подробное и многостороннее освещение в исторической науке. Основные исследования в этом направлении были осуществлены в последней четверти прошлого века, среди которых особо следует отметить монографии Р. Баубёка, Г. Вайсмана, Г. Грубера, А. Фрая и М. Зелигер [Bauböck, 1979; Seliger, 1980; Frei, 1984; Weihsmann, 1985; Gruber, 1991].

Несмотря на богатую историографическую традицию, исследователями Красной Вены не предпринимались попытки детально сопоставить политику венских городских властей с политикой большевиков. В данной статье мы попытаемся частично заполнить этот пробел, изучив стоявшие перед муниципальными властями Вены и их коллегами из Советской России задачи, а также их методы их решения.

По итогам Первой мировой войны Австрия превратилась в небольшую федеративную республику площадью 84 тысячи квадратных километров (или 23 % от размеров рухнувшей Австро-Венгерской империи) и населением в 6,5 млн человек, почти треть которого проживала в столице. В революционном 1918 г. в «кровоточащем из всех вен окровавленном острове» исчезнувшей империи на первое место в политике выдвинулась Социал-демократическая рабочая партия Немецкой Австрии (СДРПНА)¹, которая еще во времена Франца-Иосифа сумела объединить под своими знаменами без малого весь левый политический спектр страны. В отличие от своих германских собратьев, австрийским социал-демократам удалось избежать раскола и сохранить единство, а ее единственным конкурентом на ниве исполнения заветов Маркса стала образованная в 1918 г. Коммунистическая партия (КПА), демонстрировавшая на федеральных выборах в указанный период околонулевые результаты [Frei, 1984, S. 22].

В 1918–1934 гг. за социал-демократов голосовало от 80 до 90 % рабочих, половина пролетариата была интегрирована в партии и подконтрольных ей организациях, что составляло примерно 26 % мужского и 11 % женского населения Австрии

¹ Немецкая Австрия – именно так называлась Австрийская республика в 1918–1919 гг., пока крест на идее аншлюса не поставил Сен-Жерменский мирный договор. В межвоенный период австрийские социал-демократы оставались сторонниками вхождения в состав Германии, что отразилось в названии партии.

в возрасте от 10 до 70 лет. СДПА была массовой партией, при этом являясь полной противоположностью ленинской модели кадровой партии – ее скромный аппарат насчитывал всего около 1400 функционеров [Frei, 1984, S. 24].

Однако бенефициарам революции не удалось закрепить свое политическое лидерство в стране. Падение Баварской и Венгерской советских республик и провальная попытка коммунистического путча в Вене в июне 1919 г. – все эти события пошатнули веру австрийского общества в реальность осуществления радикального сценария мировой революции. В итоге СДРПНА, которая ранее казалась гарантом стабильности и силой, сдерживающей социальный протест, стала уже не столь опасной ее политическим противникам [Simon, 1988]. За исключением крупных индустриальных центров социал-демократы уступили его Христианско-социальной партии (ХСП), продолжавшей традиции политического католицизма и опиравшейся на авторитет церкви среди населения, особенно в сельской местности.

Будучи лишенной возможности на федеральном уровне добиться «диктатуры пролетариата» парламентским способом (а именно такой способ ведущий партийный теоретик Отто Бауэр с небольшими оговорками провозгласил единственно верным [Bauer, 1924, S. 22]), СДРПНА решила продемонстрировать преимущество социал-демократического управления в отдельных административных единицах, где ей удалось завоевать законодательное большинство. Главным полигоном левой идеи стала столица – Красная Вена, выведенная из состава кулацкой и католической Нижней Австрии в отдельную федеральную землю 29 декабря 1921 г. [LGBI, 1921, S. 253]. Реформы социал-демократов, решительно проведенные главным образом в сферах экономической политики, жилищного строительства и социального обеспечения, были неоднозначно восприняты в идеологически расколотом австрийском обществе. Одни современники видели в Красной Вене город будущего, другие – цитадель большевизма.

В свою очередь, советские большевики отказывались признать даже сводное родство с австрийской социал-демократией. Как известно, в своей речи на пленуме ЦК ВКП(б) 5 июля 1928 г. И.В. Сталин говорил о «контрреволюционной роли социал-демократии» как об одном из факторов частичной стабилизации капитализма [Сталин, 1949, с. 144]. Более того, с 1929 до 1933 г. на вооружении Коминтерна была теория «социал-фашизма», согласно которой социал-демократы, в том числе и левые, находились на одной доске с набирающей силу «коричневой чумой». Таким образом, социал-демократическая теория, наследие лидеров II Интернационала, автоматически оказывалась враждебной большевизму; в таких условиях какое-либо позитивное упоминание о практических делах и тем более успехах социал-демократов, к примеру, в рамках проекта Красной Венy, в советский период стало невозможным, в том числе и в исторической науке.

Однако несмотря на расхождение в понимании марксизма между большевиками и социал-демократами при ближайшем рассмотрении становится очевидной сопоставимость отдельных политических целей и методов их достижения в Красной

Вене и Красной России. Так, выдвинув лозунг «вернуть рабочему классу то, что у него отбирали» [Bauer, 1979, S. 913], СДРПНА ставила своей задачей непосредственно привлечь пролетариат к государственному управлению. При этом при назначении на административные должности рабочих порой буквально отрывали от станка. Пожалуй, одним из самых выразительных примеров подобного самоопределения рабочего класса является увлекательная история о венском столяре, в одночасье сделавшемся окружным начальником и добившемся выдающихся успехов на этом посту, которую любил рассказывать О. Бауэр: «Когда мы включились в муниципальное управление, мы не имели о нем понятия. Помнится, в феврале 1919 г. мы завоевали муниципалитет. На каком-то заседании мы вместе решали, кого сделать председателем в одном из районов. Кто-то предложил на эту кандидатуру Ланнера, помощника столяра. Ланнер сопротивлялся, аргументируя это тем, что он даже не умеет грамотно писать. После наших уговоров он всё же согласился. Вечером он положил на место свой рубанок, после чего Ланнер, который до этого в жизни не видел ни одного административного акта, не читал ни одного закона, на следующее утро вступил в должность. В магистрате его встретили не очень приветливо. А сегодня Ланнер – один из самых уважаемых администраторов муниципалитета, он так знает законы, что даже юрист с ним не станет тягаться. Возможно, поначалу он допускал и ошибки. Рабочий класс должен учиться управлять государством и муниципалитетом» [Bauer, 1979, S. 915].

Далее Бауэр с восторгом принялся обобщать опыт чиновника от рубанка: «Это новый пласт людей, вышедших из рабочего класса, которые учатся управлять. Если бы каким-то образом снова наступил восемнадцатый год и мы снова были бы призваны к управлению государством, – а в 1918 г. у нас было слишком мало людей, которые это умели, – то у нас были бы эти люди. Если умеешь управлять муниципалитетом, то сможешь управлять и государством. Вот в чем смысл» [Bauer, 1979, S. 916]. Эта история, рассказанная вполне в духе строк Маяковского «Мы диалектику учили не по Гегелю», очень нравилась самому Бауэру, и он ее не раз рассказывал в разных аудиториях, например, в несколько укороченном варианте она присутствует в его речи о значении муниципальных выборов 1928 г. [Otto Bauer über die Bedeutung ... 1979, S. 942].

Как и большевики, австрийские социал-демократы стремились не только научить венского пролетария управлять государством, но и улучшить его быт: несмотря на падение кайзеровского режима, нижним слоям теперь уже демократического социума приходилось, как правило, и впредь ютиться по комнатам и койко-местам в доходных домах [Sieder, 1985, p. 37].

Во второй программе РКП(б), принятой на VIII съезде партии, проходившем 18–23 марта 1919 г., большевики сформулировали стоящие перед ними задачи по решению жилищного вопроса: «Задача РКП состоит в том, чтобы, идя по вышеуказанному пути и отнюдь не задевая интересов некапиталистического домовладения, всеми силами стремиться к улучшению жилищных условий трудящихся масс; к уничтожению скученности и антисанитарности старых кварталов, к уничтожению

негодных жилищ, к перестройке старых, постройке новых, соответствующих новым условиям жизни рабочих масс, к рациональному расселению трудящихся» [Ленин, 1969, с. 441].

Венские социал-демократы могли бы подписаться здесь под каждым словом, тем более что по части квартирного вопроса австрийская столица до боли напоминала Красную Москву. Так, важным обстоятельством жилищной ситуации в Красной Вене являлось традиционное географическое разделение социальных слоев. Как и Москва, Вена представляла собой классический пример радиально-кольцевой городской планировки, при которой две кольцевые улицы, Ринг (аналог Бульварного кольца) и Гюртель (аналог Садового), делили город на три части. Как и в Москве, эти улицы определяли иерархическую структуру города: исторический центр города – вотчина аристократии – был опоясан Рингом, проложенном на месте бывших городских укреплений. По ту сторону от него располагались буржуазные кварталы, а за Гюртелем – рабочие предместья. Переселением с пролетарских околиц были заняты не только большевики, но и австрийские социал-демократы. Однако решить проблему по-ленински, путем решительной экспроприации обеспечив «массовое вселение рабочих из окраин в буржуазные дома», однопартийцы Отто Бауэра не могли не только в силу собственной идеологии, но и отличного, буржуазно-капиталистического правового поля. Венским социал-демократам пришлось изобрести свой оригинальный арсенал средств по борьбе с жилищным кризисом, в котором центральное место заняли принятые в военное и революционное время декреты, а также амбициозная программа по строительству муниципальных квартир.

Одной из главных основ для проведения социал-демократической жилищной политики был закон о защите съемщиков жилья, принятый в Австро-Венгрии в 1917 г. Поддержание низкого уровня арендной платы и защита от выселения имели следствием вполне перспективные для СДПА результаты. Прежде всего, в Вене существенно снизилась рентабельность жилой недвижимости и земельных участков под застройку. Это привело к снижению цены земли и приостановке частной строительной деятельности. Вследствие этого муниципалитет австрийской столицы и в заключительный период Первой мировой войны, и в первые годы существования Первой республики получил возможность сравнительно дешево приобретать землю и стал фактически единственным крупным клиентом строительных компаний и в торговле стройматериалами, максимально усилив свои позиции по отношению к подрядчикам.

Далее защита квартиросъемщиков обеспечила социал-демократии поддержку незащищенных социальных слоев, главным образом рабочего класса (рассматриваемого в расширительной трактовке О. Бауэра), а также, что примечательно, значительной части в теории презираемой марксистами мелкой буржуазии. К последней в первую очередь следует отнести мелких лавочников и ремесленников, которые могли содержать торговые точки в центральных районах Вены только благодаря низкой арендной плате. Так, владельцы венских кофеен очень активно выступали за сохранение

закона [Frei, 1984, S. 82]. Наконец, экстремально низкий уровень квартирной платы (если до войны средний рабочий был вынужден отдавать в счет арендной платы около 25–30 % зарплаты, то после принятия закона эта цифра снизилась до 0,5 % [Danneberg, 1921, S. 13]) позволил ввести налог на строительство жилья.

Закон о защите съемщиков жилья, охарактеризованный Ф. Адлером в 1921 г. как «самая мощная атака на капитал» [Arbeiter Zeitung, 1921, 24.06], явился, по мнению идеологов австромарксизма, результатом социальной борьбы. Растущее недовольство среди низших слоев общества и опасность социального взрыва на этой почве вынудили вступившего на престол в самом конце 1916 г. Карла I оперативно принять соответствующие законодательные акты. Уже 26 января 1917 г., спустя всего два месяца с начала царствования молодого преемника Франца Иосифа, имперское правительство издало «Постановление о защите квартиросъемщиков», которое ограничивало право домовладельцев на расторжение арендного договора и замораживало квартирную плату [Weihsmann, 1985, S. 33]. Используя рычаги внепарламентского давления, социал-демократы смогли законодательно закрепить продление действия закона о защите съемщиков жилья после революции 1918 г. Инфляция многократно увеличила значение этого решения властей, обесценив стоимость аренды жилья практически до нуля.

В независимой Австрии закон о защите квартиросъемщиков стал важнейшим предметом политических дискуссий. Собственники жилья изо всех сил старались добиться отмены ненавистного закона, в чем их интересы представляла Христианско-социальная партия (ХСП). Ее лидер Игнац Зейпель (1876–1932), федеральный канцлер в 1922–1924 и 1926–1929 гг., призывал «вернуться к старым добрым временам, когда домовладелец действительно был хозяином в собственном доме» [Danneberg, 1924, S. 7]. Однако такая позиция не принесла успеха ХСП, что подтвердили городские выборы в Вене 1923 г., на которых партии Зейпеля не удалось хоть сколько-нибудь существенно увеличить свое представительство в городском совете. После этого ХСП перешла к более умеренной тактике, нацеленной на поиск возможностей смягчения и постепенной отмены закона. СДПА, в свою очередь, всеми силами старалась не допустить отмены мер по защите съемщиков жилья и привлекала для этого внепарламентский ресурс. Так, в декабре 1925 г. вместо запланированных 260 демонстраций протеста против отмены закона 1917 г. социал-демократы провели по всей стране 451 акцию, причиной чего был повышенный интерес масс в сохранении выгодного для них состояния [Arbeiter-Zeitung, 1925, 08.12].

Первая корректировка закона времен Карла I последовала только после июльских событий 1927 г., обозначивших поворотный момент в политической истории Первой республики. 14 июля 1929 г. закон о защите квартиросъемщиков был изменен таким образом, что последние стали платить собственникам жилья около 20 процентов довоенной арендной платы. При этом защита съемщиков от выселения оставалась в силе. Окончательно закон был отменен только в 1933 г., что стало еще одним этапом в процессе установления авторитарного режима Энгельберта Дольфуса.

Оригинальным дополнением к защите квартиросъемщиков и важным подспорьем социал-демократам в борьбе с нехваткой жилья стал закон об истребовании жилья (Wohnungsanforderungsgesetz), принятый властями новорожденной Немецкой Австрии в ноябре 1918 г. [StGBL, 1918] и усиленный изменениями в январе и феврале 1919 г. В соответствии с этим законодательным актом муниципальные власти получили возможность истребовать пустующие помещения, предназначенные для жилья – квартиры, отели, казармы и т.д. – и вселять в них нуждающихся. Закон просуществовал до 1925 г., и весь период его действия венские власти активно им пользовались. За без малого семь лет в столице Австрии таким образом были заселены 44 838 квартир [Seliger, 1980, S. 99].

Указанные меры по преодолению жилищного кризиса помогали максимально эффективно использовать уже существующий жилищный фонд. Однако этих усилий было недостаточно, и с каждым годом потребность в жилье неуклонно росла. 20 октября 1920 г. уполномоченный городской советник по жилищным вопросам Юлиус Грюнвальд представил соответствующую статистику. Число находящихся в поиске квартиры венцев составило около 25 000, из которых 5000 «абсолютно срочно» нуждались в жилье [GRSP, 22.10.1920, S. 505]. В марте 1922 г. эти показатели достигли уже 87 551 и 36 400 человек соответственно [GRSP, 17.03.1922, S. 314].

Такая ситуация была исторически сложившейся, при этом ее не изменили военные потери в годы Первой мировой, крушение монархии и миграция населения в более благополучные страны. Хотя население Вены к концу 1918 г. действительно сократилось на 190 000 человек по сравнению с довоенным показателем, одновременно с этим примерно на 40 000 выросло число частных домохозяйств [Sieder, 1985, p. 37], что означало сокращение числа свободных квартир при том же объеме жилищного фонда (само собой, во время войны жилищное строительство было остановлено). Такая статистика выглядит противоестественной только на первый взгляд.

Дефицит жилья был обусловлен несколькими существенными факторами. Во-первых, в соответствии с законами демографии, после войны последовала волна новых браков, при этом средний возраст вступления в брак снизился [Sieder, 1985, p. 36]. Во-вторых, значительное число тех, кто покинул Вену после войны, не снимали отдельные квартиры, а платили субарендаторам за комнаты и спальные места. В-третьих, солдаты возвращались с фронта и из плена, а бывшие имперские чиновники из отколовшихся областей старой монархии потянулись в столицу в поисках нового пристанища. И хотя средний показатель населенности в период с 1910 по 1923 г. снизился с 4,23 до 3,49 чел. на жилое помещение [Sieder, 1985, p. 37], спрос на жилье в Вене возрос и только повышался. Для преодоления этой негативной тенденции столице Австрии была нужна активная строительная политика. Надежды на восстановление объемов частного строительства не оправдались, что было вызвано не только неблагоприятной экономической конъюнктурой, но и уже упомянутым законом о защите квартиросъемщиков. Нуждающиеся в жилье попросту не могли себе позволить снимать площади в новостройках по рыночным

ценам. Отмена защиты квартиросъемщиков, в свою очередь, грозила масштабными социальными потрясениями. Выходом из сложившейся ситуации стало муниципальное строительство.

Добиться того, чтобы жилище строителя нового мира было «проветрено, освещено и согрето», планировалось с помощью новой строительной программы. Подавляющее большинство построенных в ее рамках муниципальных квартир, а именно 58 667, располагалось в многоквартирных домах [Vauböck, 1979, S. 152]. В своем стремлении сплотить пролетариат и стимулировать его классовое сознание социал-демократы делали ставку на возведение в Красной Вене именно такого типа новостроек, которые их политические противники по городскому совету во главе с Леопольдом Куншаком (этот деятель ХСП по иронии судьбы был выходцем из рабочего класса) презрительно именовали «казармами пролетариата» [GRSP, 13.06.1924, S. 988].

В плане архитектуры венские власти придерживались в известной степени консервативных позиций. В то время как в других европейских странах – Германии, Франции, Голландии и Англии – получил развитие архитектурный функционализм, а в СССР – конструктивизм, проекты муниципальных домов Вены имели с этим мало общего. В Вене не получили широкого распространения прогрессивные для 1920-х гг. технологии строительства. Венский муниципалитет продолжал использовать кирпич в качестве основного строительного материала, что существенно сказывалось на темпах строительства: они были примерно в два раза более медленными, чем, к примеру, во Франкфурте-на-Майне, где при строительстве уже в то время активно использовался железобетон [Kramer, 1978, S. 110].

Приверженность авторов венской жилищной реформы традиционным технологиям строительства объяснялась помимо прочего двумя обстоятельствами. Во-первых, строительные техники в стиле ретро позволяли создать дополнительные рабочие места – ежегодно около 11 500, при этом простота кирпичной кладки позволяла использовать неквалифицированный труд [Vauböck, 1979, S. 145]. Во-вторых, в тогдашней Вене сильно ощущался лоббизм руководства местного кирпичного завода, который был одним из крупнейших муниципальных предприятий.

Лоббизмом, но уже со стороны высшего руководства СДПА, был проникнут и внешний облик «дворцов пролетариата». По выражению американского историка Г. Грубера, они «являли собой “венский меланж” из ар-нуво, ар-деко и псевдомодернизма с феодальной величественностью барочного декора» [Gruber, 1991, p. 56]. Причиной тому было желание социал-демократов, вполне сравнимое с мотивами появления на свет сталинской архитектуры в СССР, подчеркнуть величие своих трудов. Внешний вид жилищ для рабочих должен был по их замыслу демонстрировать силу пролетариата, быть «классовой борьбой, застывшей в камне» [Danneberg, 1929, S. 78].

Примечательно, что, несмотря на внешнюю монументальность, венские «дворцы пролетариата» отличались скромным интерьером. В домах, возведенных после

реализации первой строительной программы 1923 г., площадь 75 % квартир составляла всего-то 38 квадратных метров, оставшиеся 25 % ушли совсем недалеко – 48 квадратных метров [Gruber, 1991, p. 58]. Вторая программа 1928 г. повысила этот показатель чисто косметически: теперь общая площадь большинства квартир составляла 40 квадратных метров, меньшая часть имела площадь от 49 до 57 квадратных метров [Gruber, 1991, p. 58].

Характерно и то, что организация пространства в новых венских квартирах от СДПА отличалась традиционализмом. В небольших квартирах общей площадью до 48 метров было всего две комнаты: большая кухня, служившая одновременно гостиной, и спальня. Образец не нужно было изобретать: точно так же из двух комнат состояли квартиры в довоенных доходных домах, в которых жило большинство венских рабочих. При практическом воплощении программы 1928 г. типовая планировка претерпела лишь одно существенное изменение: кухня была выделена в отдельную маленькую комнату [Frei, 1984, S. 134].

Впрочем, муниципальные квартиры разительно отличались от жилищ подавляющего большинства венских рабочих в другом аспекте, а именно в ассортименте коммунальных удобств: там непременно имелись электричество, холодная вода, газовая плита и ватерклозет. Все эти удобства практически полностью отсутствовали в довоенной квартире рабочего. Электрического освещения, как и газа, там не было в принципе, водопровод и туалет были доступны в коридоре [Danneberg, 1929, S. 12]. Эти новации, безусловно, надлежит считать существенным улучшением бытовых условий. Однако в муниципальных квартирах отсутствовали горячая вода, ванная и центральное отопление. Отсутствие последнего создавало существенные трудности: для того, чтобы обогреть жилище в новой многоэтажке, приходилось, как и раньше, носить уголь из подвала [Sieder, 1985, p. 40]. Неполнота набора современных удобств обычно объясняется соображениями экономии. Правда, из общей картины бюджетного жилья выбивается одна деталь: наличие в пролетарских квартирах Красной Вены паркета из твердых сортов дерева (вполне возможно, что это «излишество», как и в случае с кирпичом, стало следствием очередного проявления лоббизма) [Kramer, 1978, S. 110].

Не подлежит сомнению тот факт, что переезд в новое муниципальное жилье в любом случае был связан для венского рабочего с существенным улучшением условий быта – эмоции здесь были столь же восторженными, как и в стихотворении Маяковского «Рассказ литейщика Ивана Козырева о вселении в новую квартиру» (1928). Правда, у персонажа советской поэзии ванная и душ в новом жилье имелись, а отсутствие упомянутого ряда удобств у пролетариев Красной Вены компенсировалось активным развитием коммунальных служб, к которым относились общественные бани, автоматизированные прачечные, детские сады и детские площадки, медицинские и стоматологические клиники, библиотеки и лекционные залы [Danneberg, 1929, S. 37]. Правда, похвастаться полным набором таких учреждений могли только крупнейшие жилые комплексы. Таковым, к примеру, был символ Красной Вены – знаменитый Карл-Маркс-Хоф, в котором на 5000 жителей

приходилось две прачечных, два детских сада, молодежное общежитие, библиотека, детская консультация, стоматологическая клиника, больница, аптека, почта, а также многочисленные кафе, магазины и залы собраний [Karl-Marx-Hof]. Бани имелись далеко не в каждом комплексе, и многим жителям новых домов Красной Вены приходилось пользоваться традиционными городскими помывочными, нравы в которых стоит сравнивать уже не со стихами Маяковского, а с рассказами другого советского современника событий – Михаила Зощенко.

Услуги на всё это разнообразие услуг были платными, но вполне доступными для жителей. Стоимость проживания для рабочего в муниципальных домах и на традиционных съемных квартирах была примерно равна и составляла около 5 % дохода венского пролетария [Breitner, 1927, S. 7].

Стоит заметить, что блуждавшая в умах марксистов со времен молодости классиков их учения идея обобществления быта не нашла сколько-нибудь масштабного воплощения в жилищных практиках Красной Вены. Скептицизм австрийских социал-демократов по поводу революции в быту лучшим образом демонстрируют вкусы их собственных вождей. В доме на Альбертгассе, построенном для высокопоставленных функционеров СДПА и муниципальных служащих, стандартная квартира состояла из четырех комнат: кухни, ванной, туалета и, самое главное, комнаты служанки [Gruber, 1991, p. 61]. В своем быту номенклатура не спешила порывать с ненавистной буржуазной традицией, которую в присутствии пролетарской массы они яростно клеймили с австромарксистских позиций. Оставаясь лояльными партийной идеологии, деятели, мнившие себя авангардом рабочего класса, вовсе не стремились первыми войти в социализм и воспитывать в себе аскетичного нового человека.

Наконец, следует отметить, что реализаторы политики австромарксизма на практике страдали гигантоманией в весьма умеренной форме. Десять крупнейших комплексов Красной Вены насчитывали в общей сложности 11 570 квартир, в том числе: Зандлейтн Хоф – 1587; Энгельсхоф – 1467; Карл-Маркс-Хоф – 1325; Карл-Зейц-Хоф – 1273; Митлингерхоф – 1136; Рабенхоф – 1109; Джордж-Вашингтон-Хоф – 1084; Зидлунг Фрайхоф – 1014; Ам Лааер Берг – 846; Вильдгансхоф – 829 [Vauböck, 1979, S. 160]. Как эти сооружения, так и дома более скромного размера тяготели к традиционной для Вены планировке с внутренним двориком.

Однако коренным отличием новостроек была пропорция между этим двориком и зданием. Темные дворы-колодцы довоенных трущоб Вены резко контрастировали с двумя гигантскими дворами Карл-Маркс-Хофа. В этом один из главных революционных элементов жилищной политики Красной Вены. Социал-демократические власти резко, почти в три раза, сократили разрешенную плотность застройки – с 85 до 30 % [Danneberg, 1929, S. 14]. На практике это означало, что лишь 30 % от площади строительства могло занимать само здание. Такая мера муниципальных властей Красной Вены сделала невозможным возведение излюбленного типа частных застройщиков времен довоенного строительного бума – «съемных казарм»,

которые так плотно подступали друг к другу, что в окна квартир практически не попадал дневной свет.

Таким образом, зодчество Красной Вены состоялось именно как архитектура социальной эволюции. Авторы проекта вдохновлялись не утопическими концептами XIX века, но отнюдь и не новейшими тенденциями в сфере градостроительства. Во главу угла был положен принцип осуществимости жилищных преобразований в ближайшей перспективе: идеи австромарксистов обретали реальные очертания за счет продуманной финансовой политики на столичном уровне, проводить которую, в свою очередь, помогало стабильное и многолетнее большинство СДПА в городском совете. Муниципальные власти взяли за основу стандартную квартиру рабочего и улучшили ее качество: увеличили площадь и ликвидировали перенаселенность, добавили некоторые недостающие удобства, увеличили освещенность жилища. При этом у вождей СДПА не возникало желания коренным образом переделывать быт рабочего, вместо этого они поставили себе и в целом неплохо реализовали вполне доступную цель – повысить культуру быта, то есть сделать условия существования венского пролетария более достойными. Уже сам этот факт должен был возвысить простого рабочего и сделать его достойным строительства социализма, которое ожидалось в исторической перспективе.

Идея города-сада, воспетая Владимиром Маяковским чуть позже, также нашла свое воплощение в Красной Вене в рамках так называемого поселенческого движения (нем. Siedlerbewegung). Изначально оно было выражением послевоенной разрухи, когда венские рабочие начали стихийный захват пустующих территорий на окраинах города и стали осваивать эти земли под огороды и строительство временного жилья. Всего по разным оценкам было создано от 30 до 60 тысяч таких участков [Zimmerl, 2002, S. 14]. СДПА не могла игнорировать подобное массовое движение, однако поддержка партии и частичное финансирование ею этого проекта были скорее вынужденными. Тем не менее при участии муниципалитета было построено в общей сложности 5257 многоквартирных домов [Zimmerl, 2002, S. 37].

В своей работе «Австрийская революция» О. Бауэр так описывал зарождение этого движения: «Рабочие начали осваивать территорию вокруг города и промышленных районов, выращивать там овощи и разводить мелких домашних животных. Восьмичасовой рабочий день дал новый толчок этому движению: тысячи людей использовали завоеванное время отдыха для работы и огородничества. Таким образом, вокруг Вены выросло около 60 тысяч огородов. Нехватка жилья вынуждала рабочих к тому, что садоводы начали строить в своих садах еще и хижины. Из таких индивидуальных попыток в конечном счете и появилось движение поселения» [Bauer, 1923, S. 191].

Вожди австрийской социал-демократии с пессимизмом смотрели на успехи этой инициативы снизу. На их глазах рабочие теряли свой классовый облик в силу занятия сельским хозяйством и индивидуальным трудом – проходила своего рода «деколлективизация». Лидерам СДПА не давало покоя еще и осознание того, что

инициатива в данном случае исходила от самих рабочих. Твердо уверенные в своей руководящей и просветительской роли по отношению к рабочему классу, функционеры воспринимали набравшее популярность движение как анархизм.

Реформаторская деятельность австрийских социал-демократов прекратилась в 1934 г. с установлением австрофашистского режима канцлера Энгельберта Дольфуса. Примечательно, что эхо Красной Вены дошло до казало бы отказывавшейся признавать само ее существование Москвы. Именно там в 1936 г. обосновался один из главных архитекторов Красной Вены – профессор медицины Юлиус Тандлер, создатель венской системы социального обеспечения. Перебраться в столицу Советского Союза Тандлер решил во время участия в Международном физиологическом конгрессе в Москве. В феврале 1936 г. он заключил двухгодичный контракт с Народным комиссариатом здравоохранения СССР и был принят на работу в качестве консультанта по строительству медицинских учреждений и медицинского образования. Особо стоит подчеркнуть, что по заказу советских властей Тандлер занимался вопросами социального обеспечения, в частности проектом строительства детских садов, т. е. делился с советскими коллегами передовым опытом Красной Вены. К несчастью, 25 августа того же года Тандлер скончался от сердечной болезни, а 29 августа некролог был опубликован в газете «Правда» [Правда, 1936].

В Москве Тандлера принимали как дорогого гостя, выделив ему номер с видом на Кремль в гостинице «Националь». Позднее, когда самочувствие светила европейской анатомии ухудшилось, заниматься его питанием поручили кремлевской больнице – на этом настоял известный немецкий диетолог Карл фон Ноорден, выписанный летом 1936 г. из Вены для лечения партийной верхушки [Sablik, 1983, S. 320].

Советский Союз произвел на австрийского профессора и социал-демократа большое впечатление. Ругая бюрократию, с которой он сталкивался по работе, Тандлер признавал ее неизбежным злом [WStLA, 1936, S. 1]. В остальном советский строй он оценивал исключительно положительно. Так, о посещении Первомайской демонстрации в качестве почетного гостя советского правительства Тандлер писал следующее: «1 мая я был приглашен наркомом на Красную площадь. 1500 самолетов пролетели над ней. Шествие масс рядами от 30 до 40 человек (2 миллиона в целом) длилось 6 часов. Это была самая грандиозная демонстрация из тех, что я видел. Все в праздничном восторге приветствуют вождей, стоящих на мавзолее Ленина. Исполненное сил, победоносное человечество нового мира» [WStLA, 1936, S. 1].

Симпатии у профессора вызвал даже марксизм-ленинизм. Он радостно писал о своем посвящении в почетные комсомольцы и сожалел о своих товарищах в Брно, оставшихся на «пути косного реформизма» [WStLA, 1936, S. 2].

В Советском Союзе Тандлеру нравилось настолько, что он хотел переселиться сюда своего друга и по совместительству второго главного реформатора Красной Вены – финансиста Хуго Брайтнера. Разочаровавшись в современной ему Австрии,

Тандлер видел в Советском Союзе место сотворения нового мира. В своем письме Брайтнеру он писал об этом так: «Отсюда события и люди воспринимаются совершенно иначе. Я очень постараюсь добиться для Вас здесь работы. Если это получится, то мы еще вместе посмеемся над умственным малокровием тех, кто остались на родине, влачат свое жалкое существование в чулане истории и кланяются дрожащей буржуазии в нездоровом полусвете капитализма» [WStLA, 1936, S. 2].

Преобразования австрийских социал-демократов и большевиков в Советском Союзе в области муниципальной политики в 1920-е гг. демонстрируют удивительную схожесть. В обоих случаях ставилась задача улучшить быт широких народных масс и тем самым адаптировать их к новым общественным отношениям, с той лишь разницей, что большевики занимались строительством социализма в одной отдельно взятой стране, а их австрийские коллеги – в масштабе одного города. Впрочем, обмен опытом между Москвой и Веной в эпоху реформ существенно затрудняли идеологические разногласия, а окончательно крест на возможности использовать венские ноу-хау в Советском Союзе поставила преждевременная смерть Юлиуса Тандлера в Москве в 1936 г.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Ленин В.И. Программа Российской Коммунистической Партии (большевиков) // *Полное собрание сочинений*. М.: Издательство политической литературы, 1969. Т. 38. С. 417–446.

Правда. 1936. 29.08.

Сталин И.В. О программе Коминтерна: Речь 5 июля 1928 г. // *Собрание сочинений*. М.: Госполитиздат, 1949. Т. 11. С. 141–156.

Arbeiter-Zeitung. 1921. 24.06.

Arbeiter-Zeitung. 1925. 12.08.

Bauböck R. *Wohnungspolitik im sozialdemokratischen Wien 1919–1934*. Salzburg: W. Neugebauer, 1979. 174 S.

Bauer O. *Der Kampf um die Macht*. Wien: Verlag der Organisation Wien der Sozialdemokratischen Partei, 1924. 31 S.

Bauer O. *Österreichische Revolution*. Wien: Wiener Volksbuchhandlung, 1923. 293 S.

Bauer O. Sozialismus und Kommunalpolitik // *Otto Bauer Werkausgabe*. Bd. 6. Wien: Europaverlag, 1979. 1021 S.

Breitner H. *Seipel-Steuern oder Breitner-Steuern? Die Wahrheit über die Steuerpolitik der Gemeinde Wien*. Wien: Wiener Volksbuchhandlung, 1927. 24 S.

Danneberg R. *Kampf gegen die Wohnungsnot! Ein Vorschlag zur Lösung bei Aufrechterhaltung des Mieterschutzes*. Wien: Wiener Volksbuchhandlung, 1921. 16 S.

Danneberg R. *Was wird aus dem Mieterschutz?* Wien: Wiener Volksbuchhandlung, 1924. 24 S.

- Danneberg R. *Zehn Jahre neues Wien*. Wien: Wiener Volksbuchhandlung, 1929. 67 S.
- Frei A.G. *Rotes Wien. Austromarxismus und Arbeiterkultur. Sozialdemokratische Wohnungs- und Kommunalpolitik 1919–1934*. Berlin: DVK-Verl., 1984. 179 S.
- Wiener Stadt- und Landesarchiv (WStLA). Gemeinderatssitzungsprotokolle der Gemeinde Wien (GRSP).
- Gruber H. *Red Vienna: Experiment in Working-Class Culture, 1919–1934*. New York, NY [u.a.]: Oxford Univ. Press, 1991. 270 p.
- Karl-Marx-Hof // *Weblexikon der Wiener Sozialdemokratie*. URL: <http://www.dasrotewien.at/karl-marx-hof.html> (дата обращения – 10 января 2017 г.).
- Kramer F. Sozialer Wohnbau der Stadt Frankfurt am Main in den 20er Jahren // *Ausstellung kommunaler Wohnbau in Wien*. Wien: Presse- und Informationsdienst der Stadt Wien, 1978. 100 S.
- Landesgesetzblatt für Wien (LGBl). 1921. Nr. 153.
- Otto Bauer über die Bedeutung der Gemeindewahlen // *Otto Bauer Werkausgabe*. Bd. 6. Wien: Europaverlag, 1979. 1021 S.
- Sablik K. *Julius Tandler. Mediziner und Sozialreformer*. Wien: Schendl, 1983. 389 S.
- Seliger M. *Sozialdemokratie und Kommunalpolitik in Wien: zu einigen Aspekten sozialdemokratischer Politik in der Vor- und Zwischenkriegszeit*. Wien [u.a.]: Verl. für Jugend u. Volk, 1980. 173 S.
- Sieder R. Housing policy, social welfare and family life in "Red Vienna", 1919–1934 // *Oral history: journal of the Oral History Society*. 1985. Vol. 13. No. 2. P. 35–48.
- Simon W. *Die verirrte Erste Republik: eine Korrektur österreichischer Geschichtsbilder*. Innsbruck: Multiplex Media Verlag, 1988. 131 S.
- Staatsgesetzblatt für den Staat Deutschösterreich (StGBL). 13.11.1918. Nr. 22.
- Weihsmann H. *Das Rote Wien. Sozialdemokratische Architektur und Kommunalpolitik 1919–1934*. Wien: Promedia, 1985. 399 S.
- Wiener Stadt- und Landesarchiv (WStLA). Breitner Nachlass. Tandler's Brief an Breitner. Moskau, 18.07.1936.
- Zimmerl U. *Kübeldörfer: Siedlung und Siedlerbewegung im Wien der Zwischenkriegszeit*. Wien: Österreichischer Kunst- u. Kulturvlg, 2002. 206 S.

REFERENCES

- Lenin V.I. Programma Rossijskoj Kommunisticheskoi Partii (bolshevikov), in: *Polnoe sobranie sochinenij* [Complete set of works]. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1969. Vol. 38 (in Russian).
- Pravda. 1936. 29.08.
- Stalin I.V. O programme Kominterna: Rech' 5 ijul'a 1928 g., in: *Sobranie sochinenij* [Collected works]. Moscow: Gospolitizdat, 1949. Vol. 11 (in Russian).

Arbeiter-Zeitung. 1921. 24.06.

Arbeiter-Zeitung. 1925. 12.08.

Bauböck R. *Wohnungspolitik im sozialdemokratischen Wien 1919–1934*. Salzburg: W. Neugebauer, 1979. 174 S. (in German).

Bauer O. *Der Kampf um die Macht*. Wien: Verlag der Organisation Wien der Sozialdemokratischen Partei, 1924. 31 S. (in German).

Bauer O. *Österreichische Revolution*. Wien: Wiener Volksbuchhandlung, 1923. 293 S. (in German).

Bauer O. Sozialismus und Kommunalpolitik, in: *Otto Bauer Werkausgabe*. Bd. 6. Wien: Europaverlag, 1979. 1021 S. (in German).

Breitner H. *Seipel-Steuern oder Breitner-Steuern? Die Wahrheit über die Steuerpolitik der Gemeinde Wien*. Wien: Wiener Volksbuchhandlung, 1927. 24 S. (in German).

Danneberg R. *Kampf gegen die Wohnungsnot!: Ein Vorschlag zur Lösung bei Aufrechterhaltung des Mieterschutzes*. Wien: Wiener Volksbuchhandlung, 1921. 16 S. (in German).

Danneberg R. *Was wird aus dem Mieterschutz?* Wien: Wiener Volksbuchhandlung, 1924. 24 S. (in German).

Danneberg R. *Zehn Jahre neues Wien*. Wien: Wiener Volksbuchhandlung, 1929. 67 S. (in German).

Frei A.G. *Rotes Wien. Austromarxismus und Arbeiterkultur. Sozialdemokratische Wohnungs- und Kommunalpolitik 1919–1934*. Berlin: DVK-Verl., 1984. 179 S. (in German).

Wiener Stadt- und Landesarchiv (WStLA). Gemeinderatssitzungsprotokolle der Gemeinde Wien (GRSP).

Gruber H. *Red Vienna: Experiment in Working-Class Culture, 1919–1934*. New York, NY [u.a.]: Oxford Univ. Press, 1991. 270 p.

Karl-Marx-Hof, in: *Weblexikon der Wiener Sozialdemokratie*. Available at: URL: <http://www.dasrotewien.at/karl-marx-hof.html> (accessed – 10 January 2017) (in German).

Kramer F. Sozialer Wohnbau der Stadt Frankfurt am Main in den 20er Jahren, in: *Ausstellung kommunaler Wohnbau in Wien*. Wien: Presse- und Informationsdienst der Stadt Wien, 1978. 100 S. (in German).

Landesgesetzblatt für Wien (LGBl). 1921. Nr. 153.

Otto Bauer über die Bedeutung der Gemeindewahlen, in: *Otto Bauer Werkausgabe*. Bd. 6. Wien: Europaverlag, 1979. 1021 S. (in German).

Sablik K. *Julius Tandler. Mediziner und Sozialreformer*. Wien: Schendl, 1983. 389 S. (in German).

Seliger M. *Sozialdemokratie und Kommunalpolitik in Wien: zu einigen Aspekten sozialdemokratischer Politik in der Vor- und Zwischenkriegszeit*. Wien [u.a.]: Verl. für Jugend u. Volk, 1980. 173 S. (in German).

Sieder R. Housing policy, social welfare and family life in "Red Vienna", 1919–1934, in: *Oral history: journal of the Oral History Society*. 1985. Vol. 13. No. 2. P. 35–48.

Simon W. *Die verirrte Erste Republik: eine Korrektur österreichischer Geschichtsbilder*. Innsbruck: Multiplex Media Verlag, 1988. 131 S. (in German).

Staatsgesetzblatt für den Staat Deutschösterreich (StGBL). 13.11.1918. Nr. 22.

Weihsmann H. *Das Rote Wien. Sozialdemokratische Architektur und Kommunalpolitik 1919–1934*. Wien: Promedia, 1985. 399 S. (in German).

Wiener Stadt- und Landesarchiv (WStLA). Breitner Nachlass. Tandlers Brief an Breitner. Moskau, 18.07.1936.

Zimmerl U. *Kübedörfer: Siedlung und Siedlerbewegung im Wien der Zwischenkriegszeit*. Wien: Österreichischer Kunst- u. Kulturvlg, 2002. 206 S. (in German).